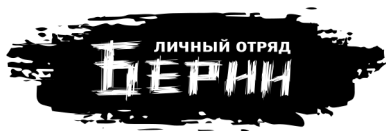

ТОНКАЯ ГРАНЬ ЗАТИШЬЯ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

МОСКВА

ТОНКАЯ ГРАНЬ ЗАТИШЬЯ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Тонкая грань затишья / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Личный отряд Берии. Романы о неизвестных операциях НКВД).

ISBN 978-5-04-214892-7

Май 1942 года. На захваченной фашистами Украине НКВД планирует уникальную операцию. Под видом офицера абвера, подыскивающего на оккупированной территории полигон для испытания новой боевой техники, к советским разведчикам должен выйти агент с ценными документами. На встречу с ним в указанный район выдвигается специальная группа майора Максима Шелестова. Но ни бойцы группы, ни оперативный штаб НКВД не знают, что за действиями агента пристально наблюдает германская разведка. До последнего момента все идет по плану. Страшная развязка наступает тогда, когда операция кажется успешно завершенной...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-214892-7

© Тамоников А.А., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В первые дни войны старшему майору государственной безопасности П. А. Платову было поручено возглавить разведывательно-диверсионную работу в тылу стремительно наступающей германской армии. В НКВД была сформирована особая группа, одной из главных целей которой являлось создание мощной и многочисленной оперативной группировки, предназначенной для заброски в тыл врага. По предложению старшего майора Платова приказом наркома внутренних дел СССР, генерального комиссара госбезопасности Л. П. Берии для ее укомплектования из тюрем и лагерей были освобождены сотни опытных боевых офицеров. Именно они составили костяк вновь созданного формирования. Основными задачами группировки являлось проведение диверсионных операций, организация партизанской войны, создание нелегальных агентурных сетей на оккупированных территориях, дезинформация противника.

В результате упорной, напряженной работы в тыл врага было направлено около пятнадцати тысяч человек. В состав этой группировки входили как

крупные, так и небольшие отряды и группы. Они насчитывали от десяти-двенадцати до нескольких тысяч бойцов. Это зависело от тех конкретных задач, которые им предстояло решать, постоянно рискуя жизнью. За линией фронта начал активную деятельность диверсионный отряд «Удар», сформированный из двадцати боевых групп.

ГЛАВА 1

Четверг 7 мая 1942 года выдался теплым и безветренным. В лесу порхали и щебетали птицы, на Луховом болоте иногда хлопали пузыри воздуха, показывающиеся из черной топкой бездны.

Красноармеец Лесин осмотрел через прорехи в кустах поляну, сменил положение. Вести наблюдение за подходами к базе группы «Удар-15» он мог только лежа. Дозорный знал, что враг был способен выйти к его посту исключительно по этой лесной поляне довольно больших размеров. Обойти ее не получится. Она метров на двадцать слева и справа граничит с болотом. А там смерть.

Евгений достал кисет с махоркой, понюхал его и вздохнул. Ему очень хотелось курить, но делать это было нельзя. А до смены еще три часа.

Он устроился поудобнее, пододвинул к себе «ППШ» и вновь бросил взгляд в сторону леса, где тропа уходила к районному центру, поселку Копино. Впрочем, тропа — это громко сказано. С ходу и не заметишь, особенно если не знаешь о ее существовании.

Лесин хотел было перевести взгляд на западную опушку, но увидел, как шевельнулись ветки густо-

го кустарника. Если это птица, то не меньше орла, а тут они не водятся. Он подтянул к себе автомат, взвел его, припал к прикладу. Движение повторилось восточнее, ближе к болотам.

Красноармеец внимательно следил за кустами. Кто там? Кабан? Лось? Животное не стало бы осторожничать в девственном лесу, шло бы напролом. Значит, человек. Кто? И один ли он?

Лесин навел прицел на куст у березы, куда шло движение, и тут раздался мальчишечий голос:

— Дяденька, не стреляй! Это я, Кирюха Легаев, до вас пришел.

Боец диверсионной группы молчал. Он знал пацана, являющегося связным между группой и человеком в поселке. Но один ли он пришел, нет ли с ним отделения полицаев или, еще хуже, эсэсовцев? О своем приходе Кирюха должен был оповестить криком утки, а тут голос, причем испуганный.

— Дяденька, я не могу крикнуть уткой. Я выйду, а ты не стреляй. Со мной никого нет, честное пионерское.

Лесин молчал.

Паренек решил, вышел из кустов. Было еще холодно, а он босой, в широких штанах и плотной рубашке. Занятно смотрелась на его голове кепка, явно размера на два больше, чем надо.

Дозорный осмотрел паренька, перевел взгляд на кусты. Там только птицы перепрыгивали с ветки на ветку, с куста на дерево и обратно.

Пацан подошел метров на десять, остановился и проговорил:

— Да здесь ли ты, дяденька? Чего молчишь? Не видишь, один я.

— Шагай, но не спеши! — тихо сказал Лесин.

Паренек приблизился к нему.

Лесин спросил, оставаясь в укрытии и продолжая отслеживать обстановку:

— Почему не можешь подать условный сигнал?

— Да я потерял манок.

— Не бреши!

— Голову даю на отсечение.

— Голову, говоришь? Тебе ее немцы снимут, если попадешь к ним. Где потерял манок?

— Не знаю. Может, когда с пацанами дрался?

— Чего дрались-то?

— Да по мелочи. Махру не поделили. Ты к себе пустишь?

Лесин еще раз осмотрелся. Он был опытным разведчиком, дрался с японцами в Маньчжурии, участвовал в Финской войне. Посторонних наблюдателей рядом не было.

— Подходи и ложись рядом.

Парень нырнул в кусты, лег рядом с красноармейцем, протянул руку к автомату, за что тут же получил оплеуху.

— Не трогай, не игрушка.

— Да я уже стрелял из такого.

— Когда успел?

— Витюха Горбунов из сельхозкооператива в дальней роще нашел. Там был склад части, что стояла на окраине поселка. Уходя, его взорвали, но кое-что осталось целым. Витюха там лазал, нашел «ППШ» и диск. Мы в враге пальнули по бутылкам

и еле ноги унесли. Полицаи вмиг сбежались на выстрелы.

Лесин покачал головой:

— Нашли забаву. Автомат полиция забрала?

— Наверное. Мы бросили его.

— Ладно, с чем пришел?

Парень шмыгнул носом:

— Дядька Кисель прислал.

— Понятно, что не бургомистр или комендант.

С чем конкретно пришел?

— Дядька Кисель просил передать, что в семь тридцать на станцию прибыл воинский эшелон. Там платформа с охраной и пулеметом, еще четыре с бронетранспортерами. Они накрыты тентами, но те местами порвались, видно. Я забыл, как дядька Кисель их называл.

— «Ханомаг».

— Да, так и дядька Кисель и говорил. «Ханомаги». Их по две штуки на платформе. Еще четыре пассажирских вагона, в них солдаты и офицеры, всего сто двадцать человек. В конце состава товарный вагон. На станции возле него и платформы немцы выставили охрану.

Лесин посмотрел на парня.

— В семь тридцать пришел, говоришь?

— Ну да. Его на запасной путь загнали.

— Почему? Может, рота прибыла для размещения в поселке?

— Нет, тогда состав под разгрузку поставили бы. С паровозом поломка случилась. Комендант на станцию прибыл с полицаями и немецкими офицерами. В общем, дядька Кисель сказал: передай

в лес, мол, что эшелон простоит на станции до утра. Отправление назначено на десять часов. До этого ремонтники обещали починить паровоз.

— А что, на станции других паровозов нет?

— Он большой, «ИС» называется. У нас таких нет, а с Харькова гнать накладно.

— Откуда и куда следует эшелон, Кисель сказал?

— Да. Из Полтавы в Харьков.

— Ладно. Ты устал, наверное, да? Все же двенадцать верст протопал.

— Я привыкший.

— Есть хочешь?

— Это да. И пить.

Боец указал на вещмешок.

— Возьми там банку каши, флягу с водой, сухари. Перекуси и поспи за большим кустом.

— Перекушу с удовольствием, а спать тут не буду.

— Почему?

— Тут в двух верстах озерцо. Туда пойду. Посплю, порыбачу на вечерней зорьке. Сейчас карась хорошо идет.

— Чем ловить-то будешь? Или гранату из подорванного склада утащил? Решил глушануть?

— Я дурак? Леска у меня есть, грузила, крючки, удилище из ветки орешника сделаю, поплавок вырежу.

— Ты запасливый.

Четырнадцатилетний паренек, как-то сразу повзрослевший с приходом гитлеровцев, вздохнул и проговорил:

— Будешь тут запасливым, при новой власти. Хотя мы и раньше худо жили. Батяня помер в тридцать восьмом году. Мать работала в бухгалтерии ватной фабрики. Она и сейчас там. Все те же гроши получает.

— Отца арестовали, что ли?

— Нет. Сам помер. От чахотки. Мне тогда десять лет было. Помню, батя мужиком крепким, здоровым был, лес валил для деревообрабатывающей фабрики. А потом зимой простыл на работе. Сначала подкашливал, жаловался на головную боль, а потом так похудел, что не узнать, и все время кашлял с кровью. Ну и помер.

— Извини.

Парень с удивлением посмотрел на бойца.

— За что? В этом никто не виноват.

— А что мать замуж второй раз не вышла?

— Вот это не твое дело.

— Ладно.

Связной перекусил, напился, все, что осталось, аккуратно сложил в вещмешок.

— Я горбушку возьму для рыбалки, а то кто знает, накопаю червя или нет, — сказал он.

— Бери.

Кирюха осмотрелся и заявил:

— Я вот одного не пойму. Мужики на деревне говорили, что Лухово болото непроходимое. Где же тогда ваш лагерь?

— Тебе этого знать не надо.

— Оно понятно, но интересно.

— Ты знаешь, что приключилось с любопытной Варварой?

— Знаю. Нашей соседке Варьке Терновой не только нос оторвать надо. Стоило бы и вообще прибить ее.

— Чего так?

— Да замучила уже! Сено у нас по ночам тащит Варька. А что против сделаешь? Хахаль-то ее Петька Клинько полицай, он при власти. — Парень сплюнул на землю. — А нам это сено ой как тяжело дается. Вдвоем и косим, и скирдуюем. Хорошо, сосед иной раз помогает. Он отцу другом был. Корову-то кормить надо. Она хоть и старая, но молоко покуда дает. А насчет болота я чего интересуюсь. У Витюхи дед древний, под сто лет уже. Помнит еще Царя-освободителя, того, что крепостное право отменил. Он на германской воевал, ноги лишился, пережил революцию, Гражданскую войну, видал, как колхозы собирались. Много чего помнит. Среди всего прочего и то, как церковь в заброшенном селе Боровка рушили. Священник успел все ценное оттуда вывезти и, как люди думали, притопил в болоте. Его, понятное дело, расстреляли, дом под сельсовет забрали. А на селе тогда один упырь жил, как звать, не помню. Ну и решил он отыскать клад попа. Далеко спрятать золото, серебро и иконы тот не мог. Стал мужик ошупывать болото от села вглубь леса. Сына помощником с собой взял. Тот и рассказал, как отец слегой в одном месте вроде на что-то наткнулся и решил зайти в болото. Шаг сделал и провалился по грудь. Сын хотел к нему дерево нагнуть, да не успел, затащила топь в момент. Потому и удивляюсь. Болото непроходимое, а вы тут обжились.

Лесин поморщился.

— Забудь об этом. Где мы, чего мы, тебя не касается.

— Зря злишься. Спросил просто. Не хочешь, не говори, но странно все одно. Закурить хочешь?

Паренек наступил на больную мозоль.

— Что, угостить можешь?

— Могу. — Кирюха достал из кармана пачку немецких сигарет «Рамзес».

— Откуда они у тебя?

— Знамо не на рынке купил. У немецкого унтера стянул, когда тот пиво в заведении на Купеческой улице пил. Кружку и пачку на столе оставил, а сам в сортир ушел. Ну я и забрал. Там была еще зажигалка, с орлом таким и какими-то большими буквами. Я ее на буханку хлеба променял.

— С ума сошел! А если бы поймали? Знаешь, что за это полагается?

— Я аккуратно, никто не видел. Так будешь?

— Нет. И тебе запрещаю. Во-первых, нельзя тут курить, во-вторых, мал ты еще.

Парень усмехнулся:

— Да я с двенадцати лет курю.

— Ну и дурак.

— Не обзывайся. Ладно, пойду я!

— Если решил порыбачить, то в поселок попадешь, когда комендантский час начнется.

— И что? Мы на Старой улице живем, это за железной дорогой, можно сказать, отдельно от поселка. Полицаи там редко бывают. Они все больше в центре.

— А соседской бабы сожитель?

— Тот, когда приходит со службы, нажирается

до чертиков вместе с теткой Варькой. Ему ни до чего дела нет, когда не надо сено наше воровать. Дойду, а и поймают, найду чего сказать. Хотя бы то, что сосед за самогоном послал.

— Лучше не попадайся и обойдись без рыбалки.

— А вот это уже мое дело.

— Ладно, иди.

— Дядьке Киселю чего передать?

— Был у нас, все сказал.

— Угу! Ну давай, дядька, неси службу.

Парень отполз от дозорного, встал, подтянул штаны и побежал через поляну, только голые пятки засверкали.

Проводив его взглядом, красноармеец Лесин повернулся к болоту, трижды крикнул кукушкой и услышал тот же ответ.

Вскоре на пост вышел командир группы «Удар-15» капитан Рябинин.

Свободный проход по болоту на самом деле объяснялся просто. Топь в этом районе изобиловала островами, в основном малыми, но был и довольно большой, Глухой, как называли его советские диверсанты. Он находился в восьмистах метрах от того края болота, где стоял пост. На полпути к нему располагался невеликий остров Белый, именуемый так из-за того, что на нем росли одни березы. Острова и сушу соединяла гать, затопленная на пять-десять сантиметров, способная пропустить группу, состоящую из пятнадцати вооруженных бойцов.

На острове Глухом и находилась база. Она была оборудована еще в 1940 году, когда руководство

страны уже предполагало нападение германских и союзных Гитлеру войск. Такие базы создавались в Белоруссии, на Украине, на Брянщине, в других районах и областях. Работа эта была засекречена. В таких местах должны были располагаться штабы партизанских отрядов.

Рябинин прилег рядом с Лесиным и спросил:

— Что у тебя, Женя?

— Посланец от Киселя был.

— Кирюха?

— Он.

— Шустрый малый.

Красноармеец кивнул:

— Шустрый, но бесшабашный. Пачку сигарет с зажигалкой у немецкого унтера увел, комендантский час нарушает. А попадет к коменданту поселка? Ведь пыток не выдержит, расскажет все!

— А что он может рассказать? Что приходил сюда, якобы встречался с бойцом Красной армии из какой-то группы, сосредоточенной где-то в болотах? Приведут его на это место и что увидят? Лес, елань, болото.

— Могут подстраховаться и авиацию навести на Глухой!

— Больше немецкому командованию заниматься нечем, как бомбить болото. Но ты прав. Надо поручить Киселю присматривать за пацаном. Я с ним и сам поговорю.

— А надо ему знать командира группы?

— Пусть его. Опознать меня в дальнейшем он сможет только мертвым. Как и всех нас. Ты же прекрасно знаешь приказ: живыми в плен не сда-

ваться. Но не будем о грустном. Что передал Кисель?

Лесин доложил командиру о том, что рассказал Кирюха Легаев.

Тот ненадолго задумался, жуя травинку, затем проговорил:

— Значит, эшелон с пехотной ротой. Или смешанного состава. Два взвода могут быть механизированными и два — стрелковыми. — Он достал карту, развернул ее. — Стало быть, завтра в десять эшелон пойдет в сторону Харькова. Это по мосту через Копинку, которая впадает в Северский Донец. Он в километре от восточной окраины поселка. Слишком близко. Хотя бы на километр дальше, тогда был бы шанс рвануть и эшелон, и мост. Сразу убили бы двух зайцев. Но придется по отдельности.

— Нам предстоит подорвать и мост? — спросил Лесин.

Капитан усмехнулся и ответил:

— Нам много чего предстоит сделать, Женя. Ты до четырнадцати часов несешь службу?

— Так точно!

— Кто меняет?

— Младший сержант Кротов. Ему стоять до двадцати двух. Потом...

Капитан прервал дозорного:

— А потом суп с котом.

— Не понял. С каким котом?

— Я шучу, неужели непонятно?

— Вас поймешь. Один вопрос разрешите?

— Давай.

— Когда мы наконец приступим к работе? На этом болоте от скуки сдохнуть можно, да еще и лихорадку подцепить.

— Тебя перед переброской не прививали?

— Прививали.

— Тогда какая лихорадка? А с ума сойти от тоски ты не успеешь. Вот завтра и проведем первую операцию под кодовым названием «Эшелон». Как тебе такая работа?

Красноармеец пожал плечами:

— Нормально. Значит, займемся эшелоном?

— Надо же с чего-то начать. Но все, я на базу. Внимательней тут. Кирюха надежный парень, но все же пацан еще. А в комендатуре не просто так сидит унтерштурмфюрер Зигель. Для чего в районном центре нужен этот офицер, да еще и прибывший из Харькова? Точно не так просто, он контрразведчик. Немцы наверняка имеют информацию о переброске в их тыл многочисленной разведывательно-диверсионной группировки, в том числе и нашего отряда «Удар». Но точных данных по базам и задачам отрядов и групп у них быть не может. Вот и направляют они в населенные пункты контрразведчиков, которые должны выявлять противника в своем тылу. Если к унтерштурмфюреру попадет Кирюха, то ему не жить. А других каналов связи с агентом Киселем у нас нет. Поэтому пацана надо прикрыть. Значит, требуется подставить вместо него кого-то другого. Кандидата следует обговорить с Киселем.

— Кирюха тут жаловался, что соседка его Варька ворует у них с матерью сено. Она сожительствует

с полицаем, самогонку с ним пьет. Такую мерзавку нисколько не жалко. Пусть этот унтерштурмфюрер ее и заполучит.

— А что? Вполне подходящий вариант. Но я сам приму решение. За информацию благодарю.

— Это Кирюху благодарить надо.

— И его отблагодарим. Вообще-то надо менять связного, но на кого? Не понимаю, почему руководство при планировании операции не позаботилось о более надежном канале получения разведанных. Но уже ничего не изменишь. Придется самим исправлять ситуацию. Я возвращаюсь.

— Прикрываю!

Капитан усмехнулся и спросил:

— От кого?

— От противника.

— Понятно. Прикрывай.

Капитан Рябинин вернулся на базу и сразу же вызвал к себе заместителя, старшего лейтенанта Александра Федорова, лейтенанта Якова Маслова, руководившего боевой командой, и старшину Василия Гринько, отвечавшего за саперов. Они собрались в штабном блиндаже за самодельным столом, окруженным лавками.

Командир группы развернул карту и довел до подчиненных информацию, полученную из Копино.

— Исходя из того, что мы имеем, приказываю подорвать к чертовой матери этот эшелон! — заявил он. — Для чего лейтенанту Маслову взять с собой двоих бойцов, один пулемет Дегтярева, три диска